

О. В. МЕТЕЛЬ

«СТРАННОЕ ОБАЯНИЕ ТРАГЕДИЙ»*

Размышления о книге В.В. Тихонова «Идеологические кампании
“позднего сталинизма” и советская историческая наука»

Рецензия посвящена монографии В.В. Тихонова, в которой рассматривается влияние на историографию идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Рецензент делает замечания относительно структуры работы, принципов отбора и изложения материала, методологических принципов автора.

Ключевые слова: советская историография, сталинизм, идеологические кампании, “буржуазный объективизм”, “безродный космополитизм”

В 2016 г. В.В. Тихоновым (Институт российской истории РАН) была опубликована новая монография, ставшая результатом его многолетних изысканий в области истории советской исторической науки периода «позднего сталинизма»¹. Вопреки прозвучавшим во введении сомнениям автора относительно возможного «гнева и недоумения части читателей, которые будут задаваться резонным вопросом: «Зачем былое ворошить, кому так станет легче жить?!» (с. 8), книга получила теплый прием. Об этом красноречиво свидетельствует рецензия С.В. Кондратьева, оценивающего монографию как «значительный вклад в изучение советской исторической науки»². Учитывая относительную близость исследовательских интересов, мы не смогли оставить без внимания данную книгу, любезно подаренную нам самим историком. Результатом знакомства с ее текстом стала настоящая рецензия, содержащая отнюдь не бесспорные, но, как смеем надеяться, полезные и для самого автора, и для других коллег-историографов размышления о работе ученого.

Основная цель, которую ставил перед собой автор, заключалась в изучении влияния на научное сообщество историков идеологических процессов периода «позднего сталинизма» (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) (с. 30). Справедливо отмечая в современной отечественной историографии «отсутствие полноценного труда, более или менее полно описывающего идеологические кампании в исторической науке», В.В. Тихонов стремился «представить более или менее целостную картину» разворачивания данных процессов, оставивших, как справедливо подметил ученый, глубокий след в биографиях «уходящего поколения класси-

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688. 2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

¹ Тихонов 2016. Все ссылки на книгу приводятся в тексте рецензии.

² Кондратьев 2017.

ков» (с. 7). Для решения этой задачи привлекается широкий круг источников: архивные документы, директивные статьи, монографические исследования, сборники статей и воспоминания участников событий. Непосредственное изложение хода идеологических кампаний предвзвешивает общий анализ советской историографии, прочитываемой как с точки зрения внутренних особенностей ее развития, так и сквозь призму влияний внешней среды (гл. 2–3). Наибольшее значение для Тихонова имеет оказываемое на науку воздействие со стороны властных структур, проявляющееся не только в традиционных методах контроля, но и через специфические формы личных отношений историков и партийных работников (феномен патронажа). Далее автор обращается к событиям на «идеологическом фронте» второй половины 1940-х гг., показывая воздействие на историографический процесс дела Н.Г. Ключевой – Г.И. Роскина (глава 4) и кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» (гл. 5) и «безродным космополитизмом» (гл. 6). Идеологические дискуссии начала 1950-х гг. в их преломлении к «историческому фронту» анализируются в отдельной главе, повествующей о влиянии XIX съезда ВКП(б) и дискуссий в языкознании и политэкономии на поиски курско-орловского диалекта, освещение истории Крыма и даже кадровые перестановки в Институте истории АН СССР (гл. 8). Каждая глава разворачивает перед читателем широкую панораму обсуждений, прошедших в различных научных центрах Москвы и Ленинграда. Автор подробно излагает содержание партсобраний и тематических заседаний кафедр, секторов, ученых советов институтов, пытаясь представить их внутреннюю логику и механизмы воздействия на судьбы научных направлений, учреждений и специалистов (гл. 7, 9). Отдельная посвящена особенностям присуждения Сталинской премии, труды лауреатов которой являются, по мысли автора, прекрасным источником для анализа рецепции идеологии (гл. 11). Основной вывод, к которому приходит В.В. Тихонов, заключается в том, что идеологические кампании привели к дестабилизации и деформации научного сообщества (с. 376). Используемые властью для мобилизации антизападных настроений и учеными для реализации собственных карьерных амбиций, проработки, по словам автора, нанесли глубокую травму социальной памяти корпорации (см. раздел «Вместо послесловия») и привели к разрыву коммуникативных связей и усугублению (хотя нередко и разрешению) личностных конфликтов. Однако этим наследие позднего сталинизма в историографии не ограничивается. По словам Тихонова, именно в конце 1940 – начале 1950-х в историографии произошло «окончательное утверждение советской (во многом – сталинской) концепции мировой истории», а «многие теории, выработанные в условиях прямого влияния идеологических кампаний, прочно вошли, пусть и в видоизмененной форме, в официальный советский исторический нарратив» (с. 376).

Положительные качества рецензируемой работы очевидны. Она написана на богатом источниковом материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Автору удалось добиться живого и красочного изложения, заставляющего читателя с неподдельным интересом следить за перипетиями внутрикорпоративной борьбы. Наконец, в книге представлены действительно интересные выводы, позволяющие выйти на новый уровень осмысления феномена советской историографии. Для нас таковыми, в частности, стали размышления автора о феномене «патронажа партийных бонз над видными историками» (гл. 3, разд. 1) и влиянии «маленьких людей» на ход идеологических баталий (гл. 9). Если говорить о первом из названных сюжетов, то обращение к изучению патрон-клиентских отношений, довольно распространенных в советской науке, позволяет показать один из конкретных механизмов влияния власти на научные исследования. Поддерживая конкретных историков, партийная бюрократия получала не только эффективный инструмент контроля, поощряя наиболее «удобные» формы поведения исследователей, но и могла участвовать в «отборе» научных идей, соответствующих текущему моменту. Анализ влияния на ход дискуссий «маленьких людей» или, по определению, заимствованному автором у О.Л. Лейбовича, «граждан, которые, не занимая высоких постов, рискуют, но разоблачают больших начальников, совершивших крупные преступления» (с. 313), также открывает новые исследовательские перспективы. На примере фигур «члена Союза писателей, философа по образованию, историка по наклонностям, поэта-переводчика по специальности, армянина по национальности» Х.Г. Аджемяна, доцента Ивановского педагогического института И.И. Мордвишина, научного сотрудника Института истории АН СССР П.Е. Осиповой и студента-заочника Московского педагогического института им. В.И. Ленина М.Н. Перегудова В.В. Тихонов показывает как иницируемые и поддерживаемые властью, так и независимые варианты давления на отдельных ученых и научное сообщество в целом.

Однако редкая книга побуждает рецензента взяться за перо только лишь для того, чтобы указать на ее очевидные достоинства. Не стала исключением и работа В.В. Тихонова, отдельные положения которой представляются нам достаточно спорными и требующими некоторых комментариев и уточнений. И в первую очередь, мы хотели бы обратить внимание читателей на структуру монографии, отличающуюся, на наш взгляд, значительной степенью фрагментарности. Так, и по стилю, и по характеру представленного материала отдельные главы рецензируемого издания оказались похожи на самостоятельные очерки. На это указывают уже встречающиеся в работе текстуальные и смысловые повторы, кажущиеся довольно странными для целостного нарратива. Например, история с публикацией А.И. Яковлевым монографии «Хо-

лопство и холопы в Московском государстве XVI – XVII вв.» приводится в книге три раза, выступая примером то покровительства историкам со стороны партийных лидеров (с. 81), то борьбы за власть внутри самого научного сообщества (с. 89), то особенностей присуждения Сталинских премий (с. 352). Мы допускаем, что исследовательская ситуация, когда один и тот же пример последовательно «высвечивает» разные грани изучаемого явления – вполне нормальна и даже ординарна. Однако вызывает сомнение сама модель подачи материала, содержание повторяющегося на всех указанных ранее страницах, и если в рамках отдельных очерков она выглядит уместно и органично, то в монографии, претендующей на решение задачи по представлению более или менее целостной картины изучаемых событий, вызывает резонные вопросы, наводя на размышления о «механизмах сборки» текста³.

Впечатление фрагментарности нарратива создает и модель построения ключевых для раскрытия темы глав, повествующих о воздействии на историческую науку кампаний по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «безродным космополитизмом». Во Введении автор сразу предупреждает, что принял решение выстроить их в описательном ключе, так как «каждое собрание обладало собственной внутренней драматургией, захватывающей читающего стенограммы» (с. 7). В результате, историограф расположил в хронологическом порядке заседания ведущих исторических учреждений страны (секторы Института истории АН СССР и Ленинградского отделения Института истории АН СССР, факультеты и кафедры МГУ, ЛГУ, Историко-архивного института и т.д.), связанные с разгромом историков, заподозренных в «объективизме», «космополитизме» или иных отступлениях от ортодоксального советского марксизма, и предложил читателю «достаточно подробный, хронологически последовательный ход собраний» (с. 8). Кажущееся на первый взгляд вполне оправданным, подобное авторское решение, однако, имело серьезные последствия для усиления в рецензируемой монографии эффектов фрагментарности и повторяемости. Так, пойдя по пути регистрации позиций участников прений, В. В. Тихонов был вынужден то и дело возвращаться к отдельным сюжетам, многократно поднимаемым в рамках проводившихся заседаний, ведь объекты критики могли не меняться на протяжении нескольких проработок. Наиболее яркие примеры – обсуждение «Византийского временника» и сборника «Петр Великий». Кроме того, выбранная модель построения ключевых глав заставила ученого вынести в отдельные разделы многие важные темы, не укладывающиеся в повествовательную канву. Вероятно, именно этим объясняется решение рассмотреть «антропологические сюжеты» в двух самостоятельных главах, посвященных судьбам участников развернув-

³ Тихонов 2013 а; Тихонов 2015 а; Тихонов 2015 б.

шихся кампаний. И если в отношении «маленьких людей» подобное авторское решение выглядит более обоснованным, учитывая самостоятельность поднимаемых в ней проблем, то глава, повествующая о судьбах С.А. Фейгиной и Е.А. Луцкого, вызывает закономерные вопросы как в части критериев выбора анализируемых персонажей (надеемся, что это диктовалось не соображениями сугубо утилитарного толка – достаточной разработанностью сюжета автором⁴), так и относительно самой необходимости их изучения вне общего контекста проходивших кампаний. Тем более, что данные о биографиях других советских историков (А.Л. Сидорова, Б.Ф. Поршнева) в тексте «событийных» глав все же присутствуют, и не только в виде отсылок к известной справочной литературе (с. 84–86, 307–312). Наконец, избранный историком принцип изложения материала может создать у читателя впечатление произвольности представленной выборки. Следуя хронологии, В.В. Тихонов последовательно знакомит нас с различными вариантами ответа на «партийные призывы», характерные для различных столичных научных центров. В связи с этим и у читателя, и у рецензента может возникнуть логичный вопрос: насколько полна и репрезентативна представленная выборка? Автор показал *все* прошедшие в Москве и Ленинграде собрания или же остановился на наиболее *значимых* (и тогда нужно дополнительно пояснить критерий определения такой значимости)? И почему, к примеру, влияние идеологических кампаний на археологию (с. 254–256) потребовало отдельного изучения, тогда как применительно к этнографии это оказалось ненужным?

И последнее на чем мы хотели бы остановиться в связи с нашими размышлениями о структуре сочинения В.В. Тихонова. Знакомя читателей с базовыми выводами специалистов относительно эволюции советской историографии в 1920–1940-е гг., автор не приводит аналогичных экскурсов в отношении идеологических кампаний позднего сталинизма, т.е. того контекста, в котором развивались исторические исследования в избранный им временной период. Он лишь намечает общий фон борьбы с «буржуазным объективизмом» или «безродным космополитизмом», посвящая характеристике этих кампаний несколько страниц в начале своих «смысловых» глав (с. 131–133, 199–201). Является ли это решение бесспорным – вопрос открытый. На наш взгляд, это может привести к ошибкам в восприятии историографического материала, особенно для неподготовленного читателя, не получившего от автора исчерпывающих сведений и даже достаточных справочных указаний.

Мы не случайно так подробно остановились на критических замечаниях в адрес структуры рецензируемого издания. Дело в том, что они приводят нас к проблемам более серьезного характера, а именно осо-

⁴ Тихонов 2013 б; Тихонов 2014.

бенностям методологической базы труда В.В. Тихонова, отличающейся, на наш взгляд, значительным эклектизмом. Так, исследователь стремится *наметить* и *обозначить* интересные на его взгляд подходы к изучению историографического материала, в целом, однако, ориентируясь на позитивистскую традицию работы с источником. Это становится особенно заметным при чтении «смысловых» глав, посвященных воздействию на историческую науку идеологических кампаний периода «позднего сталинизма», когда В.В. Тихонов прибегает к методике «ножниц и клея», т.е., как мы говорили ранее, подробно излагает материал протоколов собраний. Подобное авторское решение, с одной стороны, позволяет историку максимально корректно передать «голоса прошлого» и избежать опасности включения богатого источникового материала в «прокрустово ложе» всегда значительно упрощенных объяснительных схем. Однако, одновременно, это приводит к тому, что выводы, наиболее интересные с точки зрения применения новых методологических подходов, лишь обозначаются автором, не получая достаточного раскрытия. Именно так, в частности, автор поступил с типологией вариантов поведения историков в период проработочных кампаний, которая была им намечена в виде краткой схемы (с. 266–268). Также остается только сожалеть, что историограф не стал более подробно реконструировать типовой сценарий прошедших заседаний, вновь ограничившись лишь некоторыми общими замечаниями, сделанными в заключительных главах книги (с. 264–265). И, наконец, итоговые выводы о влиянии идеологических кампаний на судьбы исторической науки, представленные в заключении, требуют дальнейшей конкретизации, которая, в свою очередь, невозможна без смены исследовательской модели, сохраняющей в основе своей позитивистское ядро.

Остальные замечания носят частный характер. В первую очередь, некоторые возражения вызывают вводные главы рецензируемой монографии, повествующие об общих тенденциях развития советской исторической науки в 1920–1940-е гг. Написанные «большими мазками», они неизбежно несут на себе печать схематизации и упрощения, предлагая читателю набор объяснительных моделей, требующих в современной историографической ситуации некоторого уточнения или даже пересмотра. Так, В.В. Тихонов соглашается с тезисом о том, в 1920-е гг. «пафос строительства нового общества и разрушения наследия предыдущего не способствовал обращению к истории» (с. 50). Смеем возразить автору. Мы полагаем, что подобное представление о «неисторичности» 1920-х гг. появилось после выхода в 1934 г. постановления о преподавании гражданской истории в школах страны и являлось отражением нового правительственного курса, тогда как при более детальном рассмотрении оказывается, что и на протяжении первого послереволюционного десятилетия к истории сохранялся пристальный, хотя и

специфический интерес. В отдельных случаях в целом верные и справедливые выводы В.В. Тихонова получают не вполне удачное стилистическое оформление, влияющее на их смысл. Приведем только один пример. Характеризуя институциональные изменения 1930-х гг., отмеченные бурным ростом учреждений исторического профиля, автор отмечает, что этот процесс спровоцировал кадровый голод и привел к заполнению вакансий старыми специалистами (с. 37). Формально В.В. Тихонов прав: институциональная перестройка середины 1930-х гг. действительно сопровождалась реабилитацией историков «старой школы». Однако этот процесс был вызван не простым количественным ростом новых центров. Реабилитации способствовали чистки первого поколения историков-марксистов, обвиненных в связях с правой или левой оппозицией и «протаскивании» в свои научные труды контрреволюционных идей. Наконец, в тексте монографии встречаются и некоторые неточности. К примеру, арест Н.М. Лукина датируется 1937-м годом (с. 37), тогда как В.А. Дунаевский убедительно показал, что директор Института истории АН СССР был репрессирован в августе 1938 года⁵.

Завершая рецензию, мы хотели бы подчеркнуть, что все высказанные замечания отнюдь не умаляют ценность труда В.В. Тихонова. Автор предпринял интересную попытку анализа основных направлений эволюции советской историографии периода «позднего сталинизма», поставив целый ряд серьезных и интересных задач, требующих дальнейшего обсуждения и разрешения. Надеемся, что благодаря рецензируемой монографии отечественные исследователи обратят внимание не только на «транзит от сталинской эпохи, который совершала советская историческая наука» в 1953–1956 гг. (с. 377), но и на другие «белые пятна» в истории недавнего прошлого нашей дисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дунаевский В.А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 186–191.
- Кондратьев С.В. Рец. на: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с // Вестник РФФИ. 2017. № 3. С. 185–88.
- Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 108–124.
- Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207.
- Тихонов В.В. Е.А. Луцкий в Институте истории АН СССР (1943–1950): штрихи к биографии // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 223–236.
- Тихонов В.В. Историческая наука 1920–1940-х гг. в контексте советской семиосферы (опыт первичного анализа) // «Стены и мосты» – III: история возникновения и раз-

⁵ Дунаевский 1990. С. 186.

вития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. / под ред. Г.Г. Ершовой и др. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. С. 190–200.

Тихонов В.В. В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности: дискуссия 1950 года по языкознанию и изучение древнерусской народности в советской исторической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 58–62.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

REFERENCES

Dunaevskij V.A. «Delo» akademika Nikolaya Mihajlovicha Lukina // Novaya i novejšhaya istoriya. 1990. № 6. S. 186–191.

Kondrat'ev S.V. Rec. na: Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stali-nizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (sередina 1940-h – 1953.g.). M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 424 s // Vestnik RFFI. 2017. № 3. S. 185–88.

Tihonov V.V. Kak «malen'kie lyudi» tvorili bol'shuyu istoriyu: fenomen «malen'ko-go cheloveka» i ego rol' v poslevoennykh ideologicheskikh kampaniyah v sovetskoj istoricheskoy nauke // Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik. 2011–2012. M.: IRI RAN, 2013. S. 108–124.

Tihonov V.V. «Hudshij obrazchik prekloneniya pered inostranshchinoj»: ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sud'ba istorika S.A. Fejginov // No-vejšhaya istoriya Rossii. 2013. № 1. S. 199–207.

Tihonov V.V. E. A. Luckij v Institute istorii AN SSSR (1943–1950): shtrihi k biografii // Vestnik arhivista. 2014. № 2. S. 223–236.

Tihonov V.V. Istoricheskaya nauka 1920–1940-h gg. v kontekste sovetskoj semiosfery (opyt pervichnogo analiza) // «Steny i mosty» – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdisciplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, RGGU, 25–26 aprelya 2014 g. / pod red. G.G. Ershovoj i dr. M.: Akademicheskij projekt; Gaudeamus, 2015. S. 190–200.

Tihonov V.V. V poiskah kursko-orlovskogo dialekta drevnerusskoj narodnosti: diskussiya 1950 goda po yazykoznaniiyu i izuchenie drevnerusskoj narodnosti v so-vetskoj istoricheskoy nauke // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Isto-riya i filologiya. 2015. T. 25. Vyp. 4. S. 58–62.

Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (sередina 1940-h – 1953 g.). M. ; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 424 с.

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; olgametel@yandex.ru

«The strange charm of the tragedy». Some reflections on V.V. Tikhonov's book «The ideological campaigns of «the late Stalinism» and the Soviet historical science (mid 1940s–1953)»

The review is devoted to a monograph by V.V. Tikhonov which considered the impact on historiography of the ideological campaigns of the second half of the 1940s – early 1950s. The reviewer comments on the structure of the work, the principles of selection and presentation of the material, the methodological principles of the author.

Keywords: Soviet historiography, the Stalinism, ideological campaigns, “bourgeois objectivity”, “rootless cosmopolitanism”

Olga Metel, PhD (History), associate professor, Dostoevsky Omsk State University; olgametel@yandex.ru